Текст · 26 июля 2022, 11:21
Максим Бутченко,

«Кто уехал в Россию на заработки, кого забрали на фронт». Как живут шахтеры самопровозглашенных ДНР и ЛНР

До 2014 года шахтеры Донбасса обеспечивали 15% ВВП Украины и до четверти ее экспорта. Что случилось с угольной промышленностью региона после, объясняет Максим Бутченко, который до прихода в журналистику 12 лет проработал на шахте в Луганской области.

Разговор с 37-летним шахтером Алексеем из самопровозглашенной ЛНР проходит в защищенном мессенджере *Signal*, но потом он все равно просит корреспондента «Медиазоны» полностью удалить переписку. Сейчас Алексей работает на шахте имени Космонавтов в городе Ровеньки. Решение о ее закрытии уже принято. После этого из шести предприятий, которые работали в объединении «Ровенькиантрацит» до 2014 года, останутся всего два — шахта имени Вахрушева и шахта № 71 («Индустрия») с одной лавой[1], которая после ее доработки тоже закроется.

Раньше Ровеньки и соседние Должанск[2] и Антрацит были флагманами украинской угольной промышленности. Здесь добывали энергетический уголь, который шел на теплоэлектростанции. Теперь от большинства предприятий не осталось и следа. На той же шахте Космонавтов последнюю лаву открыли три года назад, а после этого, несмотря на заявления

компании «Востокуголь»[3] о планах пройти за год 40 километров новых выработок, дорабатывают оставшиеся. До нового года предприятие будет закрыто. Алексей говорит, что жизнь в Ровеньках «хреновая».

«Людей осталось мало на шахте, кто уехал в Россию на заработки, кого забрали на фронт. Вот осталась пара сотен калек, которые ходят на работу. На шахте еще много пластов, которые можно разработать, но никому не нужно — выели самые лакомые кусочки, проходки нет. Все, шахта под закрытие», — рассказывает шахтер.

Угольные предприятия в этих местах — градообразующие, например, от шахты имени Космонавтов полностью зависят поселки Кленовый, Большекаменка, Новодарьевка и другие. Что дела у угольщиков идут не слишком хорошо, признают и в «Востокугле», куда входят 17 шахт. Так, по плану на 2022 год компания должна была поднять на-гора 8,5 млн тонн угля, но за первые полгода едва добыла 2 млн тонн. Для сравнения: в 2010 году в ГП «Ровенькиантрацит», объединявшем всего шесть шахт, добыча достигала 6 млн тонн.

Алексей говорит, что угольный Донбасс «при Украине» и сейчас — это два разных региона, и приводит в пример родной город. До весны 2017 года контроль над шахтами в Ровеньках сохраняло ООО «ДТЭК "Ровенькиантрацит"», принадлежавшее украинскому олигарху Ринату Ахметову. В 2017 году предприятие «национализировали»[4] и передали в управление ЗАО «Внешторгсервис», связанному с

бежавшим в Москву бизнесменом Сергеем Курченко. Начиная с 2020 года шахты перешли под контроль уже российского бизнесмена — Евгения Юрченко.

Евгений Юрченко во время посещения Ясиновского коксохимического завода в Донецкой области в 2021 году. Фото: Николай Гришин / ТАСС

Однако зарплаты у шахтеров ЛНР и ДНР далеко не российские. Так, горнорабочий получает около 12–14 тысяч рублей, работник очистного забоя (ГРОЗ) — от 20 до 28 тысяч. Для сравнения: в Кемеровской области зарплаты горнорабочих начинаются от 40 тысяч рублей.

В 2022 году к экономическим проблемам добавилась мобилизация. Точных данных о том, сколько мужчин в регионе отправили на войну, нет, но, по оценкам украинского военного обозревателя Константина Машовца, их число может достигать 74–75 тысяч человек, из которых около 20 тысяч могут быть ранены или убиты.

Работать на шахтах теперь просто некому, хотя угольные предприятия в неподконтрольном Киеву Донбассе в последние годы и так активно закрывались. Так, по данным Восточной правозащитной группы[5], только за 2020–2021 годы остановились около 45 шахт, работу потеряли не менее 20 тысяч человек.

Закрытие угольных предприятий в ЛНР грозит обернуться экологической катастрофой:

бесконтрольное затопление шахт ведет к загрязнению источников питьевой воды. Технологические нормы и требования безопасности не соблюдаются и на действующих предприятиях. 7 сентября 2021 года на шахте «Красный партизан» в ЛНР произошел трагический случай: из-за обрыва каната транспортной кабины, поднимавшей горняков из шахты, погибли девять человек, а еще 19 получили травмы. Источники Восточной правозащитной группы утверждали, что в клеть, рассчитанную на 12 человек, набились 25 — вероятно, таким образом администрация шахты экономила электричество.

Упадок и разрушение Донбасса

До событий 2014 года на долю угольной промышленности Донбасса приходилось около 25% украинского экспорта. В 2013 году предприятия региона обеспечивали около 15% ВВП страны — 240 млрд гривен[6] в год. Добыча угля в Украине достигала 84 млн тонн, и почти 75% из них приходилось на Донбасс. Луганская и Донецкая области поставляли свою продукцию в 50 стран мира. Запасы действующих шахт составляли 6,1 млрд тонн (57% — энергетический уголь, 43% — коксующийся[7]).

При сохранении такого же уровня добычи их должно было хватить на 460 лет.

При этом отрасль оставалась дотационной: на поддержку угледобывающих предприятий правительство только в 2013 году выделило около 13 млрд гривен[8].

Бывший[9] заместитель министра энергетики Украины Алексей Рябчин объясняет: добывающие компании заключали с шахтерами коллективный договор, в котором оговаривались условия труда, требования безопасности и социальные обязательства. Государственное субсидирование позволяло сохранять рабочие места и зарплаты, а значит, поддерживать города и поселки, зависящие от угольных предприятий. В 2014 году эта система рухнула.

«Для оккупированного Донбасса нет такого понятия, как социальные гарантии. Это только бизнес — жажда больших денег, а на остальное наплевать», — говорит Рябчин.

К 2014 году в Донбассе действовало 145 угольных шахт. Потом на подконтрольной украинскому правительству территории осталось 49, а самопровозглашенным республикам досталось 96 шахт. После 2017 года, когда поставки угля из ДНР и ЛНР в Украину прекратились, почти половину из них закрыли.

До 2020 года внешнее управление на «национализированных» металлургических и угольных предприятиях Донбасса осуществляла компания «Внешторгсервис», которую журналисты связывают с близким к экс-президенту Виктору Януковичу бизнесменом Сергеем Курченко, проживающим сейчас в Москве. Он же контролировал экспорт: в 2018 году власти самопровозглашенных республик дали монопольное право на вывоз угля компании «Газ-Альянс». Через нее уголь попадал в Ростов-на-Дону, а оттуда отправлялся европейским

покупателям. О том, что «Газ-Альянс» также связан с Курченко, писали еще в 2017 году. Позже предприниматель попал под американские санкции с формулировкой: «"Внешторгсервис" работал с компанией "Газ-Альянс", подконтрольной Сергею Курченко, и экспортировал уголь из подконтрольных сепаратистам регионов в Европу». По данным Восточной правозащитной группы, в среднем тонна донбасского угля обходилась российскому посреднику в 40 долларов, а в Европу уголь продавали уже по 70–80 долларов.

Сергей Курченко, 2013 год. Фото: Stanislav Belousov / Reuters

Пишущий об энергетике украинский журналист Юрий Онишков объясняет, откуда взялись такие цифры. Себестоимость тонны угля у украинских компаний, например ДТЭК «Ровенькиантрацит», могла достигать 30–50 долларов. Это было связано с высокими зарплатами, затратами на поддержание производства, инвестициями: оборудование для новой лавы стоит десятки миллионов долларов, а глубина залегания пластов в Донбассе значительная — до километра, что затрудняет добычу.

«К примеру, в Кузбассе, где добыча ведется открытым способом, по состоянию на 2017–2018 год себестоимость угля гораздо ниже — 20–25 долларов. Поэтому украинскому углю тяжело конкурировать с российским», — говорит Онишков.

Но в самопровозглашенных республиках себестоимость удалось снизить до российского уровня — за счет урезания затрат на производство и зарплат, отказа от программ по развитию и техники безопасности. Это позволило «Внешторгсервису» Курченко в 2017 году выйти на европейские рынки с ценой 35 долларов за тонну, постепенно повысив ее до 110 долларов в 2019–2020 годах.
Об этом же рассказывает польский журналист Михаил Потоцкий, занимавшийся расследованием схем поставки угля из оккупированного Донбасса и написавший об этом около 40 статей.

По данным Потоцкого, в Польшу за три года-[10] ввезли 423,3 тысячи тонн антрацита из самопровозглашенных ЛНР и ДНР, но гораздо больше — в Турцию[11], Румынию[12] и Бельгию[13]. Всего в Европу было отправлено более 8 млн тонн угля, объем «серых» поставок расследователь оценивает как минимум в 280 млн долларов.

«На самом деле эта цифра может [быть] больше, ведь цена на уголь постепенно повышалась. И если поначалу его смешивали с российским, то затем уже не заботились никакой конспирацией», — говорит Потоцкий.

Михаил Потоцкий. Фото: личная страница в Facebook

Польский журналист добавляет, что хронологически первый экспортный маршрут из самопровозглашенных республик лежал через российские порты, откуда уголь отгружали в Турцию, Румынию и Грузию. Судя по всему, продолжает Потоцкий, это были транзитные страны: на самом деле антрацит предназначался азиатским, балканским, ближневосточным и средиземноморским покупателям. Второй путь — это железнодорожный маршрут через Россию в Беларусь и далее в Польшу и другие страны Евросоюза или в Украину. Третий — через балтийский порт Усть-Луга в порты Бельгии и Нидерландов. Наконец, четвертый — железной дорогой в непризнанную Абхазию и далее морем в Турцию.

«После наших публикаций поставки угля через Польшу были заблокированы. Но уголь продолжал идти другими маршрутами, сколько точно, нельзя сказать — мы утратили возможность за ним следить», — признает Потоцкий.

Онишков считает, что еще до войны экспорт угля из самопровозглашенных ЛНР и ДНР сократился примерно до 1 млн тонн в год, а после 24 февраля

упал еще больше. Однако, подчеркивает журналист, уровень жизни шахтеров и оплата их труда мало связаны с показателями угольных компаний и отрасли в целом.

«Это бизнес отдельных людей, связанных с РФ. И теперь, думаю, они частично смогут сбывать [уголь] по дисконту в Азию, в африканские страны, например Марокко. Пока эти территории оккупированы, никто не будет заниматься угольной промышленностью. Во-первых, никто не захочет вкладывать деньги, а [компании] настроены на быструю выгоду. Во-вторых, очень ограничен рынок сбыта. В-третьих, у России нет дефицита по углю, соответственно, зачем конкуренты для российских шахт и карьеров?» — задается риторическим вопросом Онишков.

О возобновлении работы закрытых угольных предприятий сейчас не идет и речи. Согласно данным Венского института экономических исследований *(WIIW)* за 2020 год, минимальные расходы на восстановление Донбасса составят 21,7 млрд долларов. Сейчас эта цифра может оказаться во много раз больше.

Все затопить

Рябчин говорит, что за короткий период в Донбассе десятки шахт были закрыты с грубейшими нарушениями технологических норм. Закрытие связано с большими затратами, выработки нужно «погасить»: провести подготовительные работы, вытянуть оборудование, крепь, законсервировать ствол шахты, а затем наладить откачку подземных вод. Бывший украинский чиновник приводит

цифры из бюджета: так, в 2019 году на ликвидацию трех угольных предприятий, разработку проектной документации и поддержание водоотлива планировалось выделить 659,7 млн гривен[14].

«Понятно, что никто в оккупированном Донбассе таких денег не выделяет», — констатирует он.

Одна из самых известных заброшенных шахт региона — донецкая шахта «Юнком», где в 1972 году на глубине 903 метров был проведен испытательный ядерный взрыв. На месте взрыва породы оплавились, образовав «яйцо» диаметром 10–16 метров и весом приблизительно 100 тонн. Внутри этой камеры находится 500 кубометров чрезвычайно загрязненной воды. Сейчас шахта полностью затоплена, хотя по технологии консервации сточные шахтные воды необходимо откачивать.

Главные угрозы затопления обычных, нерадиоактивных шахт — это минерализация грунтовых вод, открытых водохранилищ и озер, проседание грунта и выбросы метана. В случае «Юнкома» опасность серьезнее — здесь в грунтовые воды могут попасть радиоактивные стронций и цезий: при разрушении «яйца» радионуклиды будут заражать воду, которая поднимается в водоносные горизонты.

Массовое бесконтрольное закрытие шахт уже привело к серьезным последствиям: ученые фиксируют в регионе сдвиги подземных пластов. В январе 2019 года в центре Донецка вместе с грунтовыми водами из загородных шахтных выработок в реку Кальмиус выходил метан — местные

жители снимали на видео пузыри горючего газа над водой. В Горловке вода в реке Железная Балка окрашивалась в желтый цвет из-за сточных шахтных вод. В Торезе возле терриконa закрытой шахты «Донецкая» образовался провал грунта, в Макеевке в стенах домов появились трещины.

Специалисты ГП «Донецкгеология»[15] называют затопление угольных шахт в Донбассе неуправляемым и неконтролируемым и предупреждают, что из-за проседания поверхности и подъема загрязненных шахтных вод к источникам водоснабжения шахтерские города и поселки скоро станут непригодны для жизни.

Экологи еще до начала полномасштабной войны признавали ситуацию критической. Шахтная вода, насыщенная сульфатами, железом, тяжелыми металлами, остатками ГСМ и продуктами гниения древесины, попадает в малые речки, а потом в Северский Донец, впадающий в Дон.

Это понимали и в Москве, во всяком случае, еще недавно. Издание «Спектр» писало, что на решение экологических проблем Россия выделяет самопровозглашенным республикам до 1,5 млрд рублей ежегодно. При этом собеседник «Спектра» отмечал, что коррупционные риски в ЛНР и ДНР превышают аналогичные в Абхазии.

Материал подготовлен при поддержке «Фонда Бориса Немцова за свободу».

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Выработка, подземная полость в породе, где ведется добыча угля.

2. До 2016 года Свердловск.

3. Она позиционируется как «республиканская» компания, то есть принадлежит властям самопровозглашенной ЛНР.

4. 27 февраля 2017 года главы самопровозглашенных ДНР и ЛНР Александр Захарченко и Игорь Плотницкий объявили о прекращении поставок угля в Украину и введении внешнего управления на предприятиях отрасли, принадлежащих украинским компаниям.

5. Украинская НКО, основанная в 2014 году для помощи жителям прифронтовой зоны, неподконтрольных Киеву территорий Луганской и Донецкой областей, а также беженцам.

6. 28,6 млрд долларов.

7. Применяется в металлургии при выплавке чугуна.

8. Около 2 млрд долларов.

9. В 2019–2020 годах.

10. 2017–2019 годы.

11. 4,9 млн тонн.

12. 1,2 млн тонн.

13. 900 тысяч тонн.

14. 23 млн долларов.

15. Представляет в регионе украинскую государственную геологическую службу Министерства экологии и природных ресурсов.